

УДК 821.551.3

*А.А. Арзамазов***ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЭЗИИ КОРЯКА ВЛАДИМИРА КОЯНТО**

Статья посвящена поэтическому творчеству коряка Владимира Коянто, второго и, по всей вероятности, последнего писателя в истории данной национальной литературы. Рассматриваются различные стороны его художественного мира – выявляются основные проблемно-тематические срезы, устанавливаются ключевые мотивы и образы, анализируются языковые контексты поэзии. Интерпретация обширного текстового корпуса показала, что поэт остро переживал крушение советской действительности, сложно сживался с новой постсоветской эпохой. Тема неблагоприятной, разрушительной современности, мотив неслучившихся ожиданий в стихах В. Коянто получают широкое распространение. В целом ряде текстов фиксируется наличие мифологического субстрата, наблюдается влияние традиционной культуры коряков на художественные нарративы. Подчеркивается, что автор был ориентирован на традиции русской классической словесности и в то же время ассоциировал себя с циркумполярным этнокультурным ландшафтом. Обращение к творчеству В. Коянто имеет важное компаративное значение, дает представление о путях и проблемах развития «миноритарной» литературы как сложно-устроенного культурного феномена.

Ключевые слова: поэзия, образная система, комплекс мотивов, «миноритарная» литература, «риторика эпохи», мифология.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-1061-1068

Одним из литературно-художественных центров обширной этнокультурной территории Дальнего Востока могла бы стать Камчатка. На первый взгляд, для этого имеется множество предпосылок – разнообразная, «удобная» для поэтического отображения природа, эстетически колоритные пейзажи, актуальный для лирического освещения комплекс мифологических представлений проживающих здесь народов, в структурном плане уникальные языки, передающие семантические тонкости внутри-этнического мироустройства, которые могли бы получить развернутое художественное воплощение. Однако подлинного расцвета, многостороннего развития национальных литератур на Камчатке не случилось. По всей вероятности, не хватило внутренних демографических ресурсов, «количественной энергии» этносов. Отдаленность этой земли не спасла миноритарные лингвокультуры от постепенного исчезновения. Две основные литературные традиции региона – корякская и ительменская – перешли на «рельсы» русского языка.

История корякской литературы представлена минимальным количеством имен, художественных произведений, созданных именно на национальном языке. Фактически, эта литература двух писателей – Кеца Якекетына (1918–1943) и Владимира Владимировича Косыгина-Коянто (1933–2012). Первый, написав по-корякски повести «Эвныто-пастух» (1936) и «Хоялхот» (1939), заложил основы словесности. Второй, творчески обратившись к русскому языку, в значительной степени расширил границы национальной традиции.

«Перевод» корякской литературы на русский, осуществленный Владимиром Коянто, представляется закономерным, «симптоматическим». Корякская литература, как и другие младописьменные литературы Дальнего Востока, при самом оптимистическом сценарии развития обречена на русскоязычие (вероятнее – с элементами билингвизма). На сегодняшний день применительно к целой серии национально-художественных «миноритарных» систем следует говорить об объективном отсутствии предпосылок для возникновения / возрождения самостоятельно существующего моноязычного (на исходном языке) литературного процесса.

Владимир Владимирович Коянто (Косыгин) – корякский прозаик, поэт, публицист, общественный деятель – прожил большую, насыщенную жизнь. Биография писателя при этом являет собой стандартную стратегию становления, профессионального самообретения советского национального интеллигента в первом поколении: рождение в очень простой семье (отец – охотник-рыбак), бедное, но «правильное» детство, учеба в крупном столичном институте (Ленинградский педагогический институт им. Герцена), многообещающее возвращение на малую родину, работа педагогическо-просветительского плана, последовательное карьерное движение, публикации в своем регионе, выход книг в Москве, высшая степень признания среди соплеменников. Владимир Коянто, пройдя все пере-

численные этапы, ступени восхождения, сделал еще и большую политическую карьеру. Если угодно, он выбрал путь Еремея Айпина – совместил творчество и политику.

Владимир Коянто работал с разными литературными жанрами. На Камчатке в первую очередь получили признание его прозаические произведения – романы, повести, рассказы, очерки, эссе. Поэзия в системе художественных приоритетов занимает менее значимое место. При этом корякский писатель регулярно обращался к лироэпическим формам, его перу принадлежат несколько поэм. Исследование художественного пространства стихотворений В. Коянто осуществляется в контексте теоретико-методологических разработок отечественных литературоведов и этнографов, обращенных к национальным литературам, духовной культуре народов России [1- 7; 9-15].

Изначальная ориентированность Коянто на прозу не могла не сказаться на формально-композиционной фактуре стихотворений. Их отличают очень высокий уровень озаглавленности, наличие большого количества диалогов, разнообразие задействованных в рамках поэтического сюжета действующих лиц, регулярное стилевое вкрапление разговорных интонаций, преобладание динамики над статикой в структуре поэтического высказывания. Заметный индивидуально-авторский прием – «беспорядочное» употребление знаков препинания, особенно – восклицательного знака.

В орбиту исследования попали стихи, вошедшие в книгу избранного «Олени бежали к морю» (2008) [8].

Одна из фундаментальных художественных тем поэзии Владимира Коянто – тема сложной личной соотнесенности с переживаемой современностью, неприятие глобальных перемен, происшедших в стране. Коянто, родившийся, выросший, сформировавшийся как писатель в Советском Союзе, очень болезненно переживал крушение прежнего мироустройства, внутренне тяжело вписывался в новую эпоху. Осмысление мировоззренческих «слов», социальных, культурных катаклизмов в стихах корякского автора выражается при помощи серии мотивов, устойчивых образно-символических кодов. Так, поэт прибегает к использованию колористических концептов – серый и черный становятся главными цветами, описывающими качество существования постсоветских людей в конце XX столетия: «Серый снег / От дыма серого, / Серый вождь / На площади. / Небо серое... / И дома от сырости / Серые, / В них люди – / Больные, серые... / Тучи над нами / Серее серого... / Будь ты проклята, / Жизнь наша серая!» [8, с. 30]; «Чайки / На черном снегу – / Приметы новые / Отчизны родной. / О! Север! / Смотреть не могу, / Что делают люди / С тобой...» [8, с. 30].

Владимир Коянто – поэт «пульсирующих» эмоциональных реакций, радикальных однозначных оценок. Он не может сдерживать свой «восклицательный» темперамент сопротивления. В обоих процитированных текстах употребляется концепт «люди» – они одновременно жертвы и виновники происходящего. Примечательно, что сюжетно фигурирующие снег, дождь, небо становятся своеобразными индикаторами подавленности, разочарования, ощущения неправильности движения жизни.

Частотным в творчестве Коянто оказывается мотив экзистенциальной усталости. Лирическому герою кажется, что всё не то, всё не так – вместо ориентирующих правил советской модели мира риторические запутывающие вопросы нового времени: «Устала душа, / Видно, крепко устала. / Жизнь летит кувырком... / И судить не берусь. / Где? Когда? И зачем / Нас вот так поломало?» [8, с. 23].

В душу лирического субъекта в стихотворении «Я принял крест» [8, с. 22] вселяется черт – герой не может жить как прежде, испытывает непроходящую опустошенность. Он не может найти себе места в новой действительности, не в состоянии погасить внутри себя агрессию, обиду, злость. Его идеалы утрачены, он не знает, что теперь делать с собой.

Художественная рефлексия по поводу настоящего и будущего страны «обставлена» мотивами ненужности, быстрого немотивированного старения. Эти ощущения подаются от коллективного «Мы»: «Постарели мы, / Постарели, / И теперь никому / Не нужны! / Поплясали мы / И пропели / Все во Славу / Великой страны. / А страна?! / Ох, уж эта эпоха! / Повернулась к нам / Спиной...» [8, с. 23–24].

Автор Россию называет страной контейнеров, а ее жителей, отрекшихся от великого советского прошлого, – временными людьми: «Страна контейнеров – / Люди временные, / У них эсэнговская / Прописка!» [8, с. 24].

Владимир Коянто в своих стихах затрагивает несколько неожиданную для национального писателя проблему – его волнует вымирание, «вымывание» именно русского в России. Поэту кажется, что русские в годы перестройки, в девяностые оказались самым незащищенным народом, стремительно утрачивающим свою культурную самобытность, этническую идентичность. Коянто в стихо-

творении «А под ельничком грузди» [8, с. 29], посвященном ушедшему из жизни другу В. Булекову, сожалеет о том, что исчезают, зарастают лесом русские деревни: «позаброшены села, позабыты деревни...». В тексте «Чужестранная торговка» экранизируются рыночные реалии девяностых – лирический герой покупает на базаре большого российского города морковь. Его поражает неустроенность русских женщин, вынужденных торговать «булавками да скрепками», обескураживают напор, наглость нерусских торговков, убедительно рекламирующих свой товар: «*Им торговать по сути / Нечем: / Булавки да скрепки – / Заводская зарплата... / Кто русским женщинам / Жизнь искалечил? / За унижение / Кто им заплатит? / О, рынок российский! / Ты будешь слаб, / Пока не придут / Свои торговки!*» [8, с. 29].

Смещение времен года у Коянто – один из социально маркированных мотивов. Хаос в стране, ее распад переключаются со странностями поведения природы – в конце октября распускаются весенние цветы. Автора тревожит такая аномалия, он видит в этом мистический посыл, недобрый знак: «*Октябрь на исходе / И вот... белым-бело / На сопке, в огороде / Ромашка расцвела. / А рядом одуванчик / Шарик свой надул... / Осень лету рада – / К добру ли? На беду / Смешалось всё в природе...*» [8, с. 26].

Новая эпоха в поэтических отражениях Владимира Коянто – «кавафианское» ожидание скорого нашествия варваров, вторжения «другого». Страх, боль, неизвестность, насилие – приметы переживаемой лирическим героем реальности: «*Пьяный крик по ночам, / Ранний в двери вдруг стук... / Жизнь страшна, / Мне не высказать боли: / И поьют, и отнимут, / Еще пригрозят: / Зазвенят, мол, на окнах / И стекла...*» [8, с. 16]. Употребление форм будущего времени усиливает степень убедительности, экспрессивности авторского высказывания, придает ему семантический оттенок неизбежности, предрешенности.

Среди ключевых мотивов поэтического творчества Коянто – мотив прощания (с родными, друзьями, прошлым). В тексте «Последнее камлание» речь идет не о шаманском обряде, а об экзистенциальном состоянии лирического субъекта. Свое поколение он считает потерянными. В данном случае герой, соотношенное с ним коллективное «Мы» расстаются с духовной культурой своего народа. Они в последний раз разжигают символический огонь этнического единения, в последний раз приносят жертвы «верхним людям»: «*Прощаемся / Мы у последнего костра. / Пылает ярко он. / Уходим мы... / Забьем / Последних двух оленей – / Самца и вяженку – / Подарок Верхним людям. / Кто мы? / Потерянное поколение...*» [8, с. 16].

Терзание, смерть, угасание, разочарование как эксплицитные «симптомы» самоощущения лирического героя находят отражение в тексте «Какой дикарь теперь»: «*Какой дикарь теперь / Терзает наши души / И видеть хочет нас / В чужом гробу?... / Камлает мамушка, / И догорают туши – / Уносят в небо / И судьбу мою!*» [8, с. 19].

Стихотворения Коянто представляют интерес в аспекте художественной персонологии. В текстах привлекаются десятки персонажей, значительная часть которых при этом лишена какой-либо лирической самостоятельности. Часто они – своеобразные тени авторского «Я», его мыслей, переживаний, эмоциональных реакций. Среди героев стихов Коянто преобладают этнические коряки, и особенно часто – люди преклонного возраста, носители особой ментальности.

В произведении «Играй, Гамул, и пой, сынок» в центре художественного изображения – корякская бабушка-сказительница Варвара, встречающая пришедших за сказками детей: «*– Ух, ты? Явились?! / Поди за сказками опять?! / Меня не проведете! – / Ворчит Варвара, / Приглашая чаевать, – / За сказками и ночью / Без свечей найдете!*» [8, с. 9]. Образ бабушки Варвары представлен в тексте «И летела лебедушка...»: «*И летела Лебедушка – / Это пела Варварушка, / И вела наши души / в былинные дали... / И пела Лебедушка – / Светлая бабушка, / Мудрая бабушка / Нашей печали...*» [8, с. 10].

Старики у Коянто – хранители этнокультурного духовного наследия, люди, живущие активной жизнью. В отличие от лирического субъекта, они не подвержены унынию, не выражают яростное несогласие с тем, что есть. Герои «Деревенской истории» [8, с. 11] тяжелобольные старик Афанасий и старуха Протасьевна лежат под оленьими шкурами и ждут скорой смерти. Однако услышав мелодию гармони, оживают, вовлекаются в предлагаемый внезапно пришедшими гостями танец. Автор таким образом показывает, какой духовной силой обладают народные традиции, музыка, какое значительное воздействие они могут оказать на этнофора. В стихотворении «Голос земли» [8, с. 38–39] старый Кавав, олицетворяющий корякский традиционный уклад жизни, бурно реагирует на привезенный в юрту радиоприемник. Услышав из «железного ящика» голос сына-студента, он терзается, не может понять, как такое возможно.

Старики в поэтическом мире Владимира Коянто показаны как наивные, добрые люди прошлого, исчезнувшей цивилизации, совершенно не совпадающие с обыкновениями современности.

Еще один персонологический пласт стихов Коянто составляют «тексты-реквиемы» по ушедшим друзьям. Целая серия лирических произведений обращена к Григорию Поротову – известному ительменскому писателю, близкому другу и учителю Владимира Владимировича Косыгина-Коянто. Смерть старшего товарища приобретает еще больший масштаб трагедии на фоне крушения великой страны, разделяет жизнь на «до» и «после» – лирический герой постоянно ощущает приливы одиночества, сиротства: *«Поверь: без тебя / Мне так тяжело! / Да и жизнь ведь другая – / Тяжелая жизнь...»* [8, с. 11–12].

Стихотворение «Внуки наши растут» [8, с. 12] также посвящено памяти Поротова. Лирический герой убежден, что жизнь друга-поэта продолжается в его внуках, творчестве. С ним постоянно ведется интеллектуальный диалог. Обращение коряка Коянто к ительмену Поротову свидетельствует не только об их личной дружбе. Они связаны между собой межнациональными нитями, они в одном цивилизационном потоке, в одной «оморочке».

К умершим друзьям обращен поминальный текст «В день Радуницы». Лирический субъект по-христиански ставит свечку за их упокой и вместе с тем идет по-язычески поклониться трем тополям, символизирующим трех усопших: *«Пойду к тополям – / Их три / На Михакинской круче. / – Первый тополь, – / Скажу я друзьям, – / Это мой друг – / Гоша могучий! / Рядом – Заев Боря – Тоскующий... / И умытый / Апрельским дождем – / Алеша Лахтой – / Ликующий! / Им, видать, / Хорошо втроем...»* [8, с. 12–13].

Видное место в галерее поэтических образов Коянто занимает образ отца. Отец в стихотворении «Чернобурка» [8, с. 33–34] возвращается к сыну во сне, он – мираж прошлого, вымысел, воспоминание о далеком детстве. Расставание с отцом при пробуждении отдает горьким послевкусием, причиняет боль. Континуум сна имеет пограничный статус, связующий этот и тот миры, прошлое и настоящее. В тексте «Мальчик, сын мой Талли» [8, с. 32–33] также наблюдается взаимопроникновение реальностей, коммуникативных планов. Сначала отец обращается к своему сыну, потом разворачивается монолог лирического «Я» – сына. Образ отца «помещен» в трагический исторический контекст – он предстает как жертва сталинского террора. Приводится важная для автора, подпитываемая мифологически мысль о том, что жизнь человека не прерывается с его смертью.

В целом, в художественном мире Владимира Коянто регулярно прослеживается эмоционально-коммуникативная соотнесенность лирического героя с умершими. Думается, это не только автобиографическо-экзистенциальная позиция / потребность самого писателя, но и очевидная проекция его «дремлющих» мифологических представлений, ожиданий, внутренней связи с традиционным мировоззрением коряцкого этноса.

Релевантный структурно-тематический блок в поэтической системе Коянто образуют тексты, сфокусированные на пении, песнях, танцах как особых ритуально-психологических состояниях, формах. В таких стихах, как правило, взаимообращены биографические нарративы (сам поэт в течение многих лет был участником коряцкого народного ансамбля «Мэнго»), фрагменты этнокультурных традиций, сакрализирующие описанные модели коллективного и индивидуального самовыражения.

В произведении с непонятным для непосвященного в нюансы национальной культуры названием «Оккэнэллэ» изображается сценическое преображение танцующих – под воздействием мелодии, музыкальных инструментов они словно впадают в транс, отключаются от реальности, становятся теми, роль кого играют: *«Ох-хо-хо! Ох-хо-хо! / Словно дышит море-Анкан! / Ох-хо-хо! Ох-хо-хо! / Это бубен поет... / Ик-ка-ка! Ик-ка-ка! / Я – веселый шаман, / Ик-ка-ка! Ик-ка-ка! / Созываю народ! / Хололо! / ололо! / Чтоб очаг не угас, / Калак брошу в него – / Предсказатель судьбы... / Коряцкий бубен, / Как тундра, чист, / Звонок, / Как эхо в горах. / Если поет / Гавриил-бубнист, / Слушает / Вся Карага. / Выходит девушка / В огненный / пляс – / Гибкая, стройная / Оккэнэллэ! / Я танец коряцкий / Видел не раз, / Впервые вижу / Танец ее. / В мелодию песни / Себя вложив, / Она под бубен / Настроила стан. / В девушке образ / Чайки ожил»* [8, с. 36–37].

На пение старого коряка Юльты отзывается природа родного края: *«Пел старик. / Я слушал. Где-то / Ручеек журчал, / Играя. / Куропатка токовала, / Деду громко помогая. / Лес ожил, / Искрится тундра... / Тундра в красках / Утопает...»* [8, с. 47]. Неведомые чужим акустические послы сближают природный универсум Камчатки и аборигена-этнофора – они вписаны в одно звуковое пространство.

Экзотическая ситуация пения во сне в тексте «Иттек поет во сне» [8, с. 55–56] акцентирует особый статус лирического персонажа – он является носителем традиции, исконного корякского мировоззрения. Своим неосознанным, как бы случайно возникшим пением он доносит до свидетеля данного происшествия забытые правила жизни, оставшиеся от предков. Этот акт немотивированного пения художественно прочитывается как выразительная эмблема этничности, расценивается как выражение культурной идентичности.

Танцы в художественном мире Владимира Коянто контекстуально нередко соотносятся с возрастом лирических героев. Так, особенно много танцующих стариков, для которых танец – способ возвращения в молодость, своеобразный оберег от смерти. Танец старости-молодости в одноименном стихотворении исполняет бабка Аня: «*А потом припустилась / В пляс... / Не видел я лучшей / Шаманки. / На морозе резвее / Пляс! / Бубен / звонче – / Совсем не от холода. / Пляшет Норгали / Аня для нас: / Танец / старости! / Танец молодости!*» [8, с. 50].

Танец у Коянто преподносится как естественная модальность коммуникации коряков, как форма восприятия / освоения пространства / времени.

Владимир Коянто, как и многие другие национальные поэты, пишущие по-русски, в своем лирическом дискурсе активно оперирует «своими» – национальными – языковыми элементами. Как правило, это междометия, экспрессивная лексика, категории родства, имена собственные: «*Я вернулась / В декабрьское утро / И брожу меж домов... / Ни души. / – Мэй, Амто!*» [8, с. 16]; «*“Вовка! Прости!” / Тэнэ-матушка / Тоже воспряла...*» [8, с. 17]; «*В Парополе мне песню / Коряк подарил... / Очмын мой – / Песня моя!*» [8, с. 44]; «*Лянэ Лалал – / Тебя я назвал / Навсегда! / Лянэ Лалал, / Моя звезда...*» [8, с. 50].

В поэзии Владимира Коянто повторяются многие «северные» образы, присущие большинству поэтов данной культурно-климатической зоны. Это не осмысленное поэтико-символическое заимствование – речь скорее идет об естественном проникновении внешней среды, природного ландшафта во внутренние миры литературы. К «кочующим» символам, связанным с укладом жизни коренных народов севера, относится олень. У Коянто есть немало стихотворений, в которых «Я»-субъект обращается к этому животному. Эмоциональная окрашенность образа также имеет универсальный характер: олень признается другом, родственником человека. В стихотворении «Олененок» [8, с. 35] он снится лирическому герою, зовет его в дальний путь. Персонажи поэзии Коянто тяжело переживают ситуацию закрытости, изолированности, ограниченности в передвижениях – они люди открытого, свободного пространства тундры. Олененок в данном случае ассоциируется с приятной дорогой, детской смелостью перед неизведанным.

Оленей автор прославляет во многих своих стихотворных произведениях: «Каёвьёлъ» [8, с. 50], «Солнце меня разбудило» [8, с. 58], «В пять» [8, с. 61–62], «Отнеси меня» [8, с. 65–66]. В этих текстах реализован ряд определенных мотивов, лирических ситуаций – олень символизирует скорость, выносливость, стойкость, силу, красоту, гордость, легкий нрав: «*Какой ты сильный! / Какой лобастый! / Какой красивый! / Какой рогастый! / Ноги свечами, / В черно-белом крапе, / Нет, не случайно / Табунский ты аппа. / Копытом не бей / О стеклянный снег. / Сердиться не смей – / Я человек! / Я знаю, ты гордый, / Как эти горы, / Я знаю, ты быстрый, / Как эти ветры!*» [8, с. 65].

Восхваление оленя осуществляется согласно архаическим риторическим канонам – подбираются эпитеты, характеризующие достоинства данного очень важного в системе жизнедеятельности коряков животного. При этом ему приписываются тайные знания – он ходит по особым оленьим тропам, на которых можно встретить свою любовь.

Олень вписан в любовный контекст в стихотворении «В пять». Лирический герой-влюбленный мужчина «грозится» подарить своей избраннице «букет из оленят»: «*В час свидания / К костру / Я в букет соберу / Всех семьсот оленят / Для тебя!*» [8, с. 62]. Случайно найденный олений рог сулит удачу, благополучие в дороге: «*Встретишь в тундре / Олений рог / На трудном / Большом пути – / Значит, / нет / Таких дорог, / Где бы нам / Не пройти!*» [8, с. 40].

В стихах Коянто широко представлен мотив пути, движения. Одна из его вариаций – перемещение по оленьим тропам. Они ведут в недостижимые для других места, которые только для своих – для тех, кто не устает открывать новые грани малой родины. По оленьим тропам лирический герой уходит от давящей реальности, становящегося неудобным бытового благополучия. Это, по видимому, ментальная черта коряка – оставаться наедине со своей природой.

В стихотворении «Всё начинается с дома» лирический субъект не может спать по ночам. Ему тесно и грустно в обустроенном пространстве дома, его призывает к себе корякская тундра: «*Все на-*

чинается с дома: / И мечты, и дороги, / И даже дымок от костра. / Все начинается с дома: / И ночные тревоги, / И бессонные ночи / В пути до утра. / Я ночами томлюсь, / И тогда, как в тумане, / Словно тянут меня / И зовут за собой / Оленьи тропы...» [8, с. 44].

Обращает на себя внимание некоторая рифмо-ритмическая «неровность» текста, имеющая улавливаемый семантический контекст – порывистость, импульсивность, неприятие «стен» размеренного существования. В текстах о тропах часто актуализируется еще один мотив – расставания с семьей. В большинстве стихов эта разлука лишена негативных переживаний, воспринимается легко, с нескрываемым энтузиазмом: «Если тундра приснится / Хоть раз во сне, / Значит, тропы / Опять зовут. / До свидания, сын, / Не грусти обо мне, / Помоги наметить / Маршрут...» [8, с. 45].

Центр мироздания в поэзии Коянто – тундра, которая выступает и как природно-жизненный фон, и как лирический адресат, переживающее, коммуницирующее с другими стихотворными персонажами действующее лицо. Подчеркивается, что тундра «не любит слабых» [8, с. 53]. В тундру берут человека, чтобы проверить его на надежность, преданность. В стихотворении «Вечность» тундра показана как суровая, беспощадная по отношению к людям стихия: «Тундра вздыбилась / Белым оленем; / Съела звезды, / Взломала дорогу Пурга! / Она рвет и кричит: / – На колени! / Злей не видел / Я в жизни врага. / Убегают мечты / О любви и тепле...» [8, с. 65]. Мотив суровости тундры повторяется в стихотворении «На промежуточной»: «Здесь нет домов, / Есть много троп, / Оленьих троп, / Не случайных. / Здесь даже / Зеленый кедрач / Продрог... / Вскипяти, попробуй, / Чайник!» [8, с. 54].

Тундра – пространство для своих, чужих она не принимает. И только люди, родившиеся и живущие на ветрах тундры, могут оценить ее величие, красоту. В стихотворении «Вьюга» перечисляются различные состояния тундры. Лирический герой определяет себя как человека вьюги, для него сильный мороз, открытые горизонты снега – естественная среда обитания: «Первый снег. / Тундра бело-пестрая, / Как красивый олень / В упряжке. / Заморозило – / Тундра звонкая... / Но хмельная, / Как после бражки... / Красоту уважаю / Очень, / Звонкость тоже / Люблю до слез. / Но поверь, / Мне чаще хочется / Запуржить, / Чтоб по коже мороз, / И завьюжить / На всю округу. / Мне мила красота берез, / Но по сердцу ближе / Вьюга!» [8, с. 63–64]. Приведенный фрагмент показывает, что тундра в художественном преломлении Владимира Коянто принимает гендерные характеристики, ей приписываются феминные реакции, черты. Отождествление некоторых природных явлений, пространственных реалий с женщиной, женским – один из распространенных у корякского поэта изобразительных приемов.

Необходимо признать, что Владимир Коянто, ассоциирующийся с корякской литературой, в некотором смысле «увел» только начавшую формироваться национальную художественную традицию с пути наиболее естественного развития. Он отказался от творчества на корякском языке, хотя мог бы на нем писать, изначально был ориентирован на русскоязычного читателя. Амбициозного писателя не устраивала сильная ограниченность корякской аудитории. Коянто в своих стихах далеко ушел от фольклорно-мифологического естества младописьменной словесности, хотя мог бы поэтически передать оригинальные этнокультурные сюжеты, связанные с духовной сферой своего народа. Владимир Коянто с одной стороны актуализирует привычные для поэтических систем Крайнего Севера, Дальнего Востока образные константы (олень, тундра), обращается к регулярным в рассматриваемой литературной среде жанрово-родовым формам. С другой, он развивает свежую тему социопсихологической травмированности homo sovieticus в условиях постсоветской современности. Проанализированные стихотворения Коянто часто выстраиваются по законам прозы, лишены лиризма, отличаются отсутствием важной для поэзии любовной проблематики, документальны, автобиографичны. Это своего рода личностно оформленные дневниковые фиксации глобальных исторических изменений, мировоззренческих трансформаций.

В целом, Владимира Коянто можно назвать поэтом нереализованных возможностей. Он пытался найти себя в разных жанрах, и такая разнонаправленность творческой энергии вкупе с другими экстралитературными причинами существенно сказались на качестве поэтических произведений, степени их художественной привлекательности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропова В.В. Культура и быт коряков. Л.: Наука 1971. 216 с.
2. Головнев А.В. Антропология движения (древности северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.
3. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.

4. Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.
5. Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с.
6. Жулева А.С. Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 328 с.
7. Ибрагимов М.И. Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2018. 104 с.
8. Коянто В. Олени бежали к морю: Стихотворения и поэмы. Рассказы. Главы из романа «Родной ветер». Дневники. Эссе. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2008. 317 с.
9. Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. 258 с.
10. Пошатаева А.В. Литературы народов Севера. Истоки. Становление. Развитие. М.: Наука, 1988. 167 с.
11. Султанов К.К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 200 с.
12. Султанов К.К. От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 302 с.
13. Султанов К.К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.
14. Хазанкович Ю.Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 131 с.
15. Хазанкович Ю.Г. Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики. М.: Флинта, 2020. 416 с.

Поступила в редакцию 08.12.2020

Арзамазов Алексей Андреевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
Лаборатория многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии,
ФГБУН «Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук»
420111, Россия, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31.
E-mail: arzami@rambler.ru

A.A. Arzamazov

ARTISTIC SPACE OF THE POETRY OF KORYAK VLADIMIR KOYANTO

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-1061-1068

The article is devoted to the poetry of the Koryak Vladimir Koyanto, the second and probably the last writer in the history of this national literature. The features of his artistic world are considered, the main problem-thematic sections are identified, key motives and images are established, the linguistic aspects of poetry are analyzed. The interpretation of the extensive text corpus showed that the poet was acutely worried about the collapse of Soviet reality, it was difficult for him to get used to the new post-Soviet era. The theme of unfavorable, destructive modernity, the motive of unfulfilled expectations in V. Koyanto's poems are widespread. In a number of texts the presence of a mythological substrate is recorded, the influence of the traditional culture of the Koryaks on artistic narratives is observed. It is emphasized that the author was focused on the traditions of Russian classical literature and at the same time associated himself with the circumpolar ethnocultural landscape. An appeal to the works of V. Koyanto is of great importance for comparative literature studies, it gives an idea of the ways and problems of the development of "minority" literature as a complex cultural phenomenon.

Keywords: poetry, figurative system, complex of motives, "minority" literature, "rhetoric of the era", mythology.

REFERENCES

1. Antropova V.V. Kul'tura i byt koryakov [Culture and household life of the Koryaks]. Leningrad: Nauka 1971. 216 s. (In Russian).
2. Golovnev A.V. Antropologiya dvizheniya (drevnosti severnoj Evrazii) [Anthropology of movement (antiquities of Northern Eurasia)]. Екатеринбург: УрО РАН; «Volot», 2009. 496 s. (In Russian).

3. Golovnev A.V. Govoryashchie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov [The speaking cultures. Traditions of Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg: UrO RAN, 1995. 607 s.
4. Golovnev A.V. Kochevniki tundry: nency i ih fol'klor [Tundra nomads: the Nenets and their folklore]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2004. 344 s. (In Russian).
5. Gurvich I.S. Etnicheskaya istoriya Severo-Vostoka Sibiri [Ethnic history of the North-East of Siberia]. M.: Nauka, 1966. 269 s. (In Russian).
6. Zhuleva A.S. Mifopoeticheskaya model' mira v neneckoj literature [Mythopoetic model of the world in the Nenets literature]. M.: IMLI RAN, 2019. 328 s. (In Russian).
7. Ibragimov M.I. Nacional'naya identichnost' tatarskoj literatury: sovremennye metody issledovaniya [National identity of Tatar literature: modern research methods]. Kazan: IYALI im. G. Ibragimova, 2018. 104 s. (In Russian).
8. Koyanto V. Oleni bezhali k moryu: Stihotvoreniya i poemy. Rasskazy. Glavy iz romana «Rodnoj veter». Dnevnik. Esse [Deer ran to the sea: Poems. Stories. Chapters from the novel "Native wind". Diaries. Essay]. Petropavlovsk-Kamchatskij: Novaya kniga, 2008. 317 s. (In Russian).
9. Lagunova O.K. Fenomen tvorchestva russkoyazychnyh pisatelej nencev i hantov poslednej treti XX veka (E. Ajpin, Yu. Vella, A. Nerkagi) [The phenomenon of creativity of Russian-speaking writers of the Nenets and Khanty in the last third of the twentieth century (E. Ajpin, Y. Vella, A. Nerkagi)]. Tyumen: Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta, 2007. 258 s. (In Russian).
10. Poshataeva A.V. Literaturny narodov Severa. Istoki. Stanovlenie. Razvitie [Literature of the indigenous peoples of the North. Origin. Formation. Development.]. M.: Nauka, 1988. 167 s. (In Russian).
11. Sultanov K.K. Nacional'noe samosoznanie i cennostnye orientacii literatury [National identity and value orientations of literature]. M.: IMLI RAN, 2001. 200 s.
12. Sultanov K.K. Ot Doma k Miru. Etnonacional'naya identichnost' v literature i mezhkul'turnyj dialog [From Home to the World. Ethnonational identity in literature and intercultural dialogue]. M.: Nauka, 2007. 302 s. (In Russian).
13. Sultanov K.K. Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost': kommunikativnyj aspekt [The angle of refraction. Literature and identity: the communicative aspect]. M.: IMLI RAN, 2019. 352 s. (In Russian).
14. Khazankovich Yu.G. Fol'klorno-epicheskie tradicii v proze malochislennyh narodov Severa [Folklore and epic traditions in the prose of indigenous small-numbered peoples of the North]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2009. 131 s. (In Russian).
15. Khazankovich Yu.G. Epicheskie tradicii v proze korennyh malochislennyh narodov Arktiki [Epic traditions in the prose of indigenous small-numbered peoples of the Arctic]. M.: Flinta, 2020. 416 s. (In Russian).

Received 08.12.2019

Arzamazov A.A., Doctor of Philology, Leading Researcher
Udmurt Institute of History, Language and Literature
Udmurt Federal Research Center of UB RAS
Lomonosova st, 4, Izhevsk, Russia, 426004
Laboratory of the multiple-factor humanitarian analysis and cognitive philology,
Federal research center "Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"
Lobachevskogo st., 2/31, Kazan, Russia, 420111
E-mail: arzami@rambler.ru